

УБИЙСТВО НА МАСЛОВКЕ

АЛЕКСАНДР
ДОБРОВИНСКИЙ

УБИЙСТВО НА МАСЛОВКЕ

**ДЕТЕКТИВНЫЕ
ИСТОРИИ** ИЗ ЖИЗНИ
ИЗВЕСТНОГО АДВОКАТА

Москва

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д56

Фото на обложке *Дмитрия Каманина*

Добровинский, Александр Андреевич.
Д56 Убийство на Масловке: детективные истории из жизни известного адвоката / Александр Добровинский. — Москва : Добровинский А.А., 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-6055762-2-8

Во втором томе детективных историй перед нами разворачивается захватывающий и ироничный сюжет о случайной находке — шедевре фламандской живописи, оказавшемся у автора после загадочного визита двух бывших клиентов. Вместо спокойного вечера он получает тайну, способную перевернуть его жизнь. Кто эти ночные визитеры? Почему картина попала именно к нему? И стоит ли искать владельца, если за правдой может скрываться смерть?

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-6055762-2-8 © Александр Андреевич Добровинский, текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ВЕРНУТЬ НЕЛЬЗЯ ОСТАВИТЬ

Телефон выключать мне не полагается. Связь пропадает, только когда я в самолете или в тюрьме. В обоих вариантах мобильное устройство становится обыкновенной молчаливой железкой с экраном. В самолете приема нет по причине того, что мы очень высоко, в тюрьме же телефон приходится оставлять в специально отведенном для этого месте. Связь с внешним миром заключенного через адвоката осуществляться не должна. Таковы правила. И ничего тут не поделаешь. Хотя эту предосторожность, если есть какая-то срочность, можно с успехом обойти без всяких проблем. Адвокат берет паузу, спускается на улицу, звонит, куда требуется, и таким образом передает от имени сидельца все что угодно и кому это необходимо. Такой своего рода забытый в девяностых годах гаджет под названием пейджер. Только в человеческом облике. Короче говоря, не знаю, как другим коллегам, а мне выключать телефон нельзя. В доме к этому привыкли все. От любимой и детей до горничной и обожаемой Джессики.

Это как раз был тот случай, когда мелодия разбудила часть спящей квартиры без пятнадцати два ночи. Частью был я сам. Остальных могло поднять только землетрясение. Через полчаса после того, как оно закончится.

— Андреич, прости, дорогой. Если бы не беда, не стал будить. У меня мои ребята попали под раздачу. С одной стороны, поганый мусор, с другой стороны, еще хуже. Просто каток ужаса. От тебя нужен совет. Ты же самый мудрый. И умный. Я им сказал только: «Он и никто

другой». И обычный гонорар за час работы нужно умножить на четыре за то, что разбудили семью. Вас же двое с супругой и еще две дочери. Так что в четыре раза. Хорошо придумал?

— Доброй ночи, потрясающе придумал... Но в соседней комнате еще горничная Таня и собака. Так что нас шестеро.

— Андреич, они нормальные пацаны, сам увидишь. Не обидят. Помогите, пожалуйста. Сейчас перезвонят.

Шутка по поводу шестерного гонорара не удалась. По-моему, ее приняли всерьез. Если так, то действительно дело у подопечных дедули — дрянь. Оно и понятно: к адвокату редко приходят с праздничным настроением в одной руке и гонораром в другой. Такова *c'est la vie*, шутили когда-то в нашем институте. Довольно точное определение ситуации. Зная клиента, слово «беда» могло приобрести как характер трагедии, так и полной ерунды.

Впрочем, спорить с господином Усояном смысла не было. Аслан Рашидович, в миру дед Хасан, был одновременно главным вором в законе в стране и одновременно очень хорошим клиентом нашего адвокатского бюро. Скорее, даже не он сам, а его «коллеги», которых он время от времени рекомендовал. Отказывать дедушке не хотелось, тем более что любимая спала, дети вообще ничего не слышали, а очаровательная йоркшириха Джессика была совсем не против посидеть ночью у меня на руках. До деда Хасана, его подопечных и даже до моей мудрости по версии все того же дедушки ей было как до лампочки в моем кабинете. А вот поспать в хозяйских руках — за счастье. Простое собачье счастье.

Через полчаса в гостиной появились два молодых и довольно угрюмых джентльмена туповато-бандитской наружности, и вскоре стало понятно, почему московская ночь не навевала радость романтики на лица моих гостей.

История была действительно небанальна.

Молодые люди довольно долго и плодотворно «работали» на контейнерном портовом терминале Северной столицы. Работа была и прибыльная, и суетная, и одновременно опасная. В Петербурге время от времени происходили недомолвки с коллегами, с честными и продажными людьми в погонах, с заезжими бандитами, с постоянно появляющейся новой жадной и голодной братвой и со старыми ворами. Кто-то кого-то подстреливал и топил в Неве, но в целом некое разделение интересов в конце концов сложилось и, можно сказать, было налицо.

Моих мозгов в два часа ночи хватило для понимания того, что пока я слушаю некую увертюру, а все основное действие в актах и сценах еще впереди.

В конце концов в морском торговом порту, как в месте основного источника доходов моих гостей и их профсоюза, сложился каскад договоренностей с таможенной, представителями МВД, прокуратурой, мэрией и даже с известной федеральной структурой, отвечающей за безопасность страны. По-простому ФСБ. Ночные визитеры арбатской квартиры занимались приемом одного очень уж специфического товара и его дальнейшей оптовой реализацией. Но некоторое время назад все перевернулось с ног на голову. Те же структуры (таможня, милиция, прокуратура и т. д.) в одночасье перестали работать согласно предыдущим договоренностям. Мало того, они все начали требовать от пацанов безоговорочного подчинения и исполнения приказов. Ситуация резко осложнилась, когда не желавшие подчиняться (назовем их «протестантами», от слова «протест») начали пытаться качать свои криминальные права на встречах («стрелках») с неожиданно захватившими власть в порту. Варфоломеевская ночь избиения протестантов продолжалась почти месяц. Оборзевшие негодяи начали просто поголовные аресты за все прошлые деяния, и конца и края этому было не видно. Кроме того, десять или двенадцать человек были найдены на улицах Петербурга не совсем живыми.

Еще несколько человек скончались в «Крестах» (знаменитая петербургская тюрьма). Кажется, от насморка и кариеса. Что же касается моих гостей, то они просто ушли в бега в связи с открытием уголовных дел («сбыт наркотических веществ в особо крупном размере»), и, по совету Деда Хасана, путь за ответом на постоянно возникающие вопросы русской интеллигенции «что делать?» и «с чего начать?» привел их в эту ночь в один известный дом адвоката и коллекционера. Понятно было только одно: всем теперь руководит чья-то очень властная и невидимая рука. Наступила другая эпоха. Неизвестная, непонятная и поэтому очень опасная.

В довершение всего из далекого зарубежья пришло сообщение о том, что за последний контейнер Made in Columbia надо срочно рассчитаться. Объяснения, что таможня взбунтовалась на ровном месте, не принимались. Поставщики-импортеры также объяснили в одночасье обедневшим протестантам, что произойдет для начала с разными частями тел всей семьи и каждого из участников сделки, выделив жалких пять дней на решение труднейшей задачи. И вот это было самое страшное... По сравнению с этой угрозой блекли даже возможные молодые годы в исправительной колонии строго режима.

На мой вопрос, насколько серьезными являются люди, обещающие столь яркое и короткое будущее, клиентура моего дома сначала истерически засмеялась, а затем откровенно заплакала. Я понял, что мужчины могут быть душевно легкоранимы и ничто человеческое им не чуждо. Даже если это друзья и соратники дедушки Хасана.

Пришлось взять паузу на пять минут и все обдумать. Кто бы они ни были, люди пришли за советом, и этот совет надо было придумать, продумать и дать.

Вежливо попросив разрешения, друзья в ожидании вердикта начали разглядывать полки в гостиной и коридорах.

Та арбатская квартира была сделана по особому проекту. Дело в том, что в то время я увлекался коллекционированием русского фарфора советского периода и, будучи натурой влюбчивой и увлеченной, собрал гигантскую коллекцию шедевров. Маленькие и большие статуэтки, расписные тарелки и блюда, дивная посуда и огромные панно — все это стояло на полках, висело, занимало часть напольного пространства и постепенно выселяло хозяев из квартиры. Разглядывать все это было безумно интересно даже таким далеким от искусства молодым людям, как эти. Ребята бродили по дому и, несмотря на угнетенное настроение, цокали языком и время от времени даже трагично хихикали.

Наконец ко мне идея все-таки пришла. Она была простой и, может быть, немного бесхитростной, но в данном конкретном случае, по моему мнению, вполне рабочей.

Говорил я недолго — минут десять. Я изложил суть совета и дал довольно четкий план, по которому можно выбраться из этой неприятной ситуации. В течение моего монолога лица сидящих напротив заметно светлели и глаза постепенно начинали гасить видения надгробных памятников и семейных склепов.

Они даже не задали ни одного вопроса, только аккуратно, немного стесняясь, положили симпатичного размера денежную котлетку на край журнального столика. Мы все понимали, что такой совет дороже всех возможных гонораров, однако уговор есть уговор и тут ничего не попишешь. Сумма была согласована заранее.

Уже перед дверью, натягивая на широкие плечи куртки, один из посетителей, неожиданно обращаясь к другому, как бы невзначай бросил в воздух:

— Вот я всегда тебе говорил: евреи очень умные люди.

Должно быть, услышанное мною было высшим комплиментом в устах этого парубка. Не скрою, я стоял гордый и за свою работу, и за находчивость. Было приятно.

— Ты чего погнал, Серега? — между тем задал встречный вопрос второй посетитель.

— Да вот, я думаю, — оглядываясь по сторонам, продолжал первый, — захочешь все это спи...ить — три месяца будешь упаковывать...

Даваясь от смеха, я закрыл за ночными гостями входную дверь и больше никогда их не видел.

Воспоминания об этой истории часто вызывали во мне улыбку, а также дружный смех любой компании, когда, не называя имен, я рассказывал об этой маленькой ночной консультации.

Спустя год или два дед Хасан рассказал, что ребята меня послушались и вроде как ситуация навсегда успокоилась.

Как-то мне пришлось позвонить дедушке по просьбе близких друзей. Их квартиру обворовали и вынесли несколько вещей, представлявших для несчастных хозяев огромную ностальгическую ценность.

Дед Хасан обещал все узнать. Через неделю все вещи вернули неизвестные. Все, кроме денег. Денег, правда, было не так и много. В разговоре я задал вопрос о питерской клиентуре. Посмеиваясь, дедушка рассказал, что те ночные гости, как только неприятности их минули (спасибо Александру Андреевичу), стали практически образцовыми бизнесменами. Что под этим подразумевал Дед Хасан, оставалось для меня маленькой тайной. Других вопросов я не задавал.

Усоян заходил теперь в офис очень редко. Покушение на него в сентябре 2010 года хоть и провалилось, но заставило авторитета пересмотреть некоторые принципы жизни. Он отошел от дел и, как сам говорил мне за чашкой чая, погрузился в стариковскую жизнь. Правда, ненадолго. Аслан Рашидович Усоян, он же дед Хасан, он же дедушка, был убит выстрелом при выходе из ресторана на Поварской улице города Москвы, недалеко от здания Верховного суда, в январе 2013 года.

Sic transit gloria mundi, что с латыни переводится просто и точно: «Так проходит мирская слава». Хотя слава у дедушки была весьма специфическая...

Много лет после трагедии на Поварской улице, поздним и прекрасным майским вечером, по дороге к лифту в собственном доме я был остановлен нашими домовыми охранниками:

— Александр Андреевич, тут к вам заходили, подняться и беспокоить супругу не стали, а говорить хотели только с вами. Вот — передали сверток. Сказали, подарок. Записку написали. Я им конверт дал.

С этими словами служивые вынесли завернутое в многочисленные тряпки нечто довольно громоздкое. На ощупь это было что-то в широкой раме. Довольно тяжелое. Охранники помогли мне поднять подарок наверх и аккуратно поставили сверток перед нашей дверью.

Грязные тряпки заносить в квартиру совершенно не хотелось. Пришлось сходить на кухню, по дороге бросив портфель в кабинете, взять ножницы и мешок для мусора, вернуться к тряпкам, разрезать связывающую этот кошмар веревку и наконец размотать вонючий гадюшник.

Вот до этого самого момента в моей жизни все было более-менее понятно и безоблачно...

Сначала из тряпок и старых газет выпал мятый незаклеенный конверт. В нем на вырванном из школьной тетради листочке в клеточку корявым почерком было написано следующее:

«Уважаемый Андреич, тут случайно увидели что-то старое и вспомнили о вас и о том, как вас любил покойный дедушка. Вот решили порадовать и взяли с собой. Картина так себе, если не нужна — выбросите. Ерунда какая-то. А рама клевая. Может, пригодится. Еще раз спасибо лично от нас за тот ночной совет. Но нужно опять поговорить по одному вопросу. Может, вместе заработаем. Мы заглянем на днях вечером. С уважением».

Я размотал последнюю черную простыню и увидел то, что увидел...

Мало того что я происхожу из семьи потомственных собирателей антиквариата, мало того что я сам в общем-то довольно известный коллекционер, прилично разбирающийся в живописи, так еще в студенческую бытность во ВГИКе я был, кажется, самым смышленным и точно самым любимым студентом незабвенной Паолы Волковой, одного из лучших искусствоведов своего поколения.

Но и без регалий, особых знаний и образования, глядя на полотно, сверкающее перед моими глазами, можно было сразу понять, что передо мной шедевр высочайшего уровня. Уточню: высочайшего музейного уровня. Картина, прислоненная к стене моей квартиры, была достойна занять место в Эрмитаже, Лувре, Прадо или Метрополитене. Мало того, это она, то есть сама картина, могла выбирать, в каком музее и рядом с кем ей висеть.

Первый раз в жизни мне было неуютно в собственном доме.

Передо мной плыл этот реальный город под снегом, завораживая многочисленными мистическими персонажами в своей зашифрованной жизни. С первого взгляда мне показалось, что мои глаза вчитываются в какой-то библейский сюжет, переданный через ощущение и в интерпретации гения полтора тысячелетия спустя.

Я никогда в жизни не мог представить себе, что буду стоять в коридоре арбатской квартиры и в упор смотреть, разглядывая и кощунственно боясь прикоснуться к шедевр такой высоты. Напротив меня пылал, нет, скорее, ослеплял все вокруг, шедевр Брейгеля, скорее всего, старшего.

Я был почти уверен, что это именно он, а не его сын. Слишком велико было очарование зимних деревьев, холодного, сверкающего, ослепляющего бриллианта звезды, как бы висевшего на голых ветвях, прищур налета скрытого юмора и подавляющая все на свете красота

глубины философствующего небожителя. Ошибки быть не могло. Ни во что другое не верилось, да и сомневаться не получалось никаким образом. Не было причин. Ни одной. Это шедевр Питера Брейгеля. Отца или сына, уже не столь важно. Важно то, что в эту минуту он стоит около двери в спальню у меня в квартире, где ему точно не место.

В предобморочном состоянии я дошел до гостиной и плюхнулся на диван. Надо было все продумать и взвесить. Боже мой, что тут взвешивать и о чем думать?! У меня в квартире находится бесценное ворованное сокровище, за которое могут посадить на много-много лет и, кстати, правильно сделают.

Так, беру себя в руки, и двигаемся здоровым и логически выверенным путем. Как обычно.

Для начала оставим 10% на ошибку. Все-таки меня считают специалистом в искусстве XX века. Но моя вторая любовь — это фламандцы с их загадками и торжественной обыденностью выдумок. Впрочем, в подлинности предстоит разобраться в любом случае. На первый взгляд и энергетика живописи, и краски, и манера письма очень и очень похожи на настоящую работу. Я бы почувствовал подделку, принял бы ее бездушие, отрешенность от фламандской школы XVI века, сделанную рукой моего современника. Кроме того, чтобы подделать такую многофигурную композицию, копиисту необходимо работать несколько лет. Краски того времени найти невозможно. Холст XVI века тоже на дороге не валяется. Нет, это не подделка. Это что-то настоящее. Стараясь каким-то образом проникнуть в загадку времен, я приложил кончики пальцев к горячей живописи и на мгновение закрыл глаза. Я не чувствовал подделки, я ощущал другое. Неповторимое и какое-то божественное начало, бережно водящее руку с кистью гения. У меня не было сомнений. Это XVI век, это... это написал человек, способный заставить полотно говорить. Правда, остается сомнение

по поводу старшего Брейгеля. Сын часто делал повторы с отцовских шедевров. Конечно, здесь гениальность бьет в глаза. Но все-таки... Вообще-то, для того чтобы не ошибиться, следует положить рядом две работы. Не подлежащую сомнению и ту, которую исследуешь. Рука автора тут же скажет свое слово. Безоговорочно. Но сделать мне это практически невозможно. Я бы даже сказал, это исключено. Скорее всего, навсегда.

Дальше. Что делать с самой картиной? Вернуть некому. Дедушки давно на этом свете нет. Боюсь, что на том ему тоже не очень спокойно и уж точно не до меня. Телефона дарителей у меня нет, и я даже не знаю, как их зовут. Тут полный туман.

Пойти в полицию я не могу. Что я им скажу? «Воры подарили — вот, возьмите». Бред. Не понаслышке зная нашу полицию, неприятностей можно огрести на ровном месте целую кучу, и «авторы» подарка тоже, мягко говоря, обидятся. В худшем случае, если что-то пойдет не так, можно даже срок получить, а за донос на братву на пересылке Владимирского централа меня точно не поймут. Нет, идти с чистосердечным признанием нельзя.

Оставить у себя? Ну это просто суицид. При количестве знакомых коллекционеров, бывающих в нашем доме, через неделю вся Москва будет знать, что у Добровинских появился настоящий Брейгель. Никому же в голову не придет, что я повесил на стену рядом с картинами Пименова, Анненкова, Кустодиева, Самохвалова, Кончаловского подделку под XVI век. Якобы Питер Брейгель. 20-30 дней — и об этом узнает хозяин. Еще неделя — и на руках браслеты. Намного менее изящные, чем какие-нибудь гвоздики Cartier на запястьях любимой. Такие неприятные стальные и щелкают мерзко.

Спрятать? Еще хуже, чем повесить. Во-первых, непонятно куда. А во-вторых, если еще от настенного варианта развески можно хоть как-то оправдаться в случае неприятностей — мол, подарили и все, то спрятанная картина — это, безусловно, путь к малосимпатичному

отдыху от адвокатской деятельности. От шести до восьми лет.

Уничтожить? Никогда в жизни. Рука не поднимется, нога не шагнет. Шедевр должен жить и радовать людей. Слишком много веков, правителей и войн он пережил.

Подарить кому-то? Еще хуже. Такие шедевры не дарят, их оставляют детям. Если Брейгеля подарить, то шуму будет как при Трафальгарской битве из всех орудий по всей стране.

Какая-то безвыходная ситуация... Надо дождаться этих двух придурков, которые притащили отравленный подарок. А что делать пока с шедевром? Положить под кровать? Бред какой-то...

Уехать с этой картиной за границу и постараться продать или отдать музею? Честно говоря, самый заманчивый вариант. Но через 10 минут после моего прилета в Шарль-де-Голль, даже если я ее туда привезу, меня задержат, так как картина наверняка будет в розыске. Кстати, это надо проверить, и поэтому нужны снимки шедевра. Фото на телефон делать нельзя из предосторожности. Придется учиться фотографировать самому.

В аэропорту меня встретит довольно строгий джентльмен, судя по всему, с недоверием относящийся ко всему миру в целом и к российским гражданам в частности. С этого момента можно считать, что у меня все отобрано и начинается судебный процесс против всех. Вернее, всех против меня.

Но ведь я Александр Добровинский. Известный адвокат и, по-моему, довольно сообразительный человек с четко выстроенной системой анализа. В любой загадке должно быть решение. В любом лабиринте — выход. А как же тупик? А туда не надо попадать. «Просто как здрасьте», говорят французы, и это очень мудро. Не попадать в тупик... Не попадать в тупик... Легко сказать, но непросто сделать. По-моему, известный адвокат дает сбой. Голова кругом, мозги набекрень, полная растерянность. Давно такого не было...